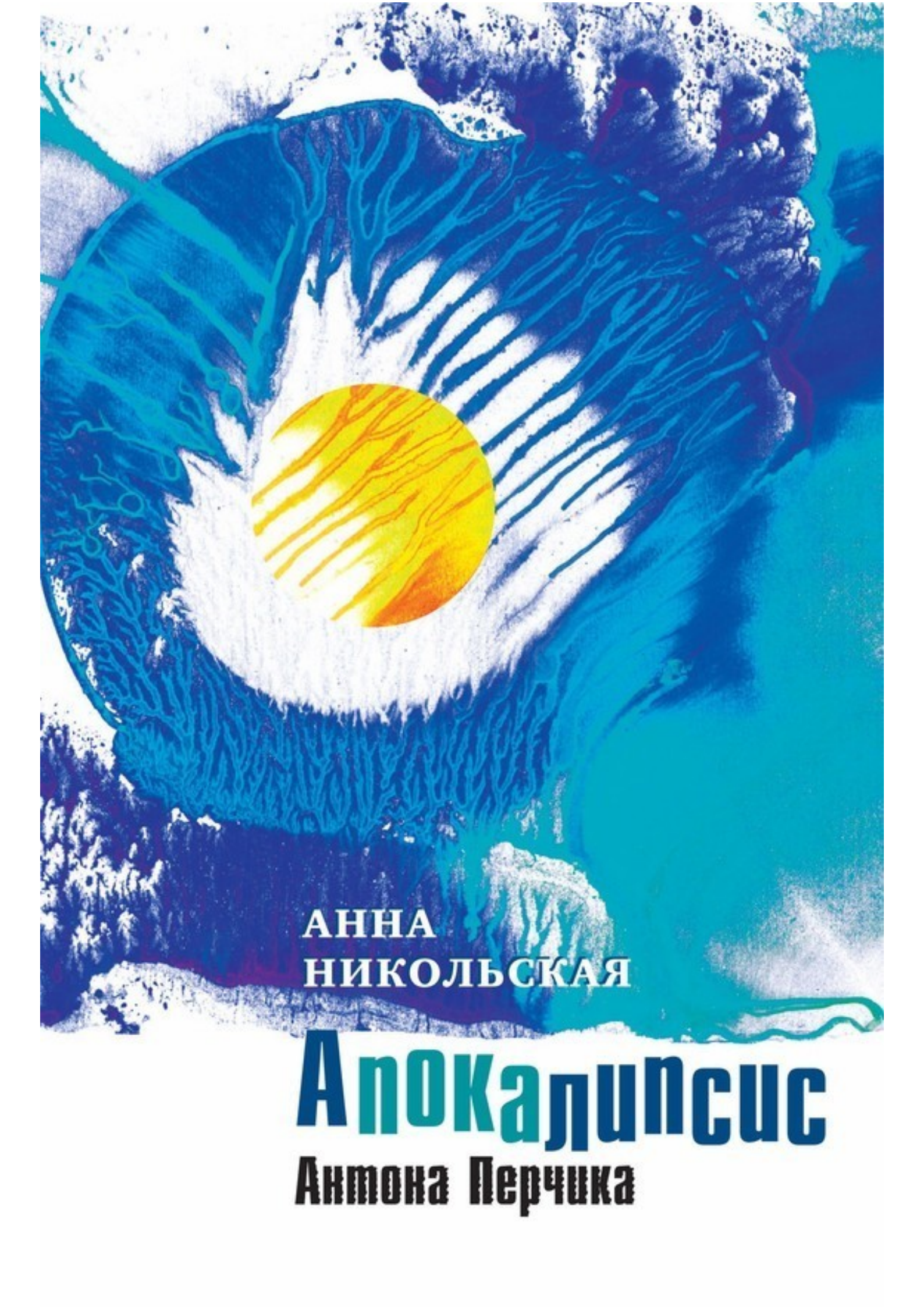

АННА
НИКОЛЬСКАЯ

Апокалипсис

Антон Перчик

Анна Никольская

Апокалипсис Антона Перчика

«WebKniga»

2014

Никольская А. О.

Апокалипсис Антона Перчика / А. О. Никольская —
«WebKniga», 2014

Антон Перчик – восемнадцатилетний оболтус и эгоист – попадает в автомобильную аварию. Придя в сознание в заброшенном сельском госпитале, он узнает о чудовищном метеоритном дожде, обрушившемся на Россию. Выжившие поражены страшным вирусом, принесенным из космоса. Антону предстоит пройти долгий путь для того, чтобы спастись самому и спасти своих новых друзей, найти брата и родителей, а также выяснить, была ли катастрофа случайной. За ширмой головокружительного триллера прячется по-настоящему умная и завораживающая история, адресованная не только тинейджерам, но и их родителям.

© Никольская А. О., 2014

© WebKniga, 2014

Содержание

Пролог	6
День первый	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Анна Никольская

Апокалипсис Антона Перчика

© Анна Никольская, 2014

© «Время», 2014

Пролог

Я когда раньше на клоуна смотрел, еще в детстве, у меня волосы на руках вставали дыбом. Серьезно, я нисколько не преувеличиваю. Помню, он ехал на двухколесном велосипеде, с огромной такой резиновой пищалкой, по проволоке ехал, а я смотрел на него и реально умирал от страха. Я смотрел на него, а видел только родинку. Эту его бородавку. У него на носу росла волосатая зеленая бородавка – я ее боялся больше всего. Сейчас смешно вспоминать. Еще помню запах клоуна – смесь нафталина и духов «Болгарская роза». Такими бабушка душилась, мне не нравились. Она сидела рядом, держала меня за руку, а я почему-то думал, что это пахнет от клоуна. Он ехал и тоненько хохотал, а меня просто уже тошнило от ужаса. Я сидел в первом ряду и боялся, что он сейчас ко мне подъедет. Из тысячи зрителей выберет именно меня. Я был абсолютно беззащитным перед ним, как будто голым... По-моему, при виде клоунов большинство людей начинают немного нервничать, нет? Есть в них что-то зловещее.

Когда видишь зараженного, первая твоя реакция – смех. Наверное, это внутренняя защита срабатывает. Просто мозг обычного, нормального человека не способен сразу такое переварить. Он не заточен под апокалипсис.

* * *

У Егора младшая сестра – он от нее уже на стену лезет. Один раз я наблюдал такую картину – хоть в «Сам себе режиссер» посылай. Я их на телефон снимал, пока меня не застучали.

Короче говоря, сидит Егор, сидит его мелкая (не помню, как звать) и далее по списку: Винни-Пух, крокодил Гена и еще какие-то плюшевые перцы. Причем сидят так основательно, за столом, все у них чин чинарем – с фарфоровым сервизом и поролоновыми бананами. В общем, Егор берет чайник и Гене наливает. И типа такой: «Угощайся пряниками, Гена». А лицо у самого серьезное до предела. Я просто лежал там у них за дверью. Говорю ему: «Тебе надо в “Спокойной ночи, малыши” сниматься, вместо Оксаны Федоровой. Ты ее затмишь». А сестра его: «Мойте ручки, дядя Антон, я вам испекла пирог». Ага, пластилиновый.

Я все к тому веду, что у нас Игорек в этом плане вообще ненапряжный. В душу не лезет с паровозами и башнями до потолка. Раньше лез, но я его выдрессировал. По полной программе, не хуже Макаренко. Теперь врубаю планшет со смешариками – и в путь. Брателла потерял для общества как минимум на три часа, а я пожинаю плоды трудов своих (и сотрудников «Apple»).

Но он тоже чудит иной раз, наш Игорек. Однажды запряг меня играть в прятки. Ну а мне, понятное дело, лениво. Я говорю: «Давай вон играй с Муськой. Считаю до десяти или до сколько ты там умеешь. Во, давай до ста – она сейчас от тебя спрячется по-быстрому». Короче, сунул я Мусяндию в духовку и смылся с Анькой в кофейню. Прихожу часа через три, а мамик уже на кухне, затеяла стряпать хачапури. Я тоже балбес – сразу не врубился, к чему это все неумолимо ведет. Пошел, принял душ, выхожу. И тут чую – пахнет горелым. И орет кто-то – я Мусипундию сначала по голосу даже не узнал. Мамик спрашивает: «Ты не видел Мусю? А то она мяукает где-то, я не могу понять». И тут до меня доходит наконец. Вот, думаю, Игорек debil, это надо же было в собственной квартире кошку потерять! Открываю духовку – мамик ее поставила на разогрев (как Муську не заметила, не знаю, может, уснула она там). Открываю, а Муська оттуда, как сбитый летчик, кааак сиганет и давай круги нарезать по паркету. Мамик стоит, смотрит, не может ничего понять. Игорек прилетел, закатил истерику: «Мусенька моя, бедненькая, лапки поджарила!». Муська носится по кухне – у нее шок: ей лапы здорово припекло. Потом выпустила когти и на цыпочках, на цыпочках усакала по коридору. Я как увидел эти цыпочки, меня чертов смех разобрал. Понимаю, что ржать нельзя – не та ситуация, но не могу остановиться! Еще Игорек масла в огонь подливает: «Мамочка, она погибнет!». Ну правда смешно. Разве нет? А вообще, кошки – полезные. Они от стресса помогают. Когда гладишь кошку, частота пульса снижается на шестнадцать процентов, что-то типа того.

* * *

– Фамилия. Имя. Отчество.

Лицо у нее протокольное до жути, вся из себя. Не люблю важных. Я говорю ей, тоже так, знаете, с паузами:

– Перчик. Антон. Вячеславович.

И кашляю в кулачок. Кхе-кхе. Я пафоса органически не перевариваю. В любых его проявлениях. Такие люди на меня, знаете, как действуют? Как бык на красную тряпку. В смысле, наоборот, но вы поняли. Так и подмывает перед такой фифой комедию поломать. Чертов паяц, когда-нибудь она меня погубит, эта привычка.

– Полных лет?

– Восемнадцать.

– Образование?

Отец, кстати, в этом смысле – диаметрально противоположность. Яблоко от яблони, все дела – это не про нас. Сейчас-то над ним начальства нет, он сам себе и бог, и начальник, и все равно в нем подлая эта совковость сидит. Ее уже не искоренить, когда тебе под полтинник. Он в налоговую, знаете, как заходит? Прикол вообще. У порога минут

сорок ноги вытирает. Стоит на коврике и вытирает лет пятьдесят, с мыслями собирается. В окошечко когда заглядывает, лыбу тянет до ушей, пока ему какая-нибудь старая кошелка бумажки проверяет. Она его пошлет, а он ей за это потом шоколадку. Плебей. Меня все это бесит до жути. Меня реально мутит, когда я это вижу.

– Гимназия № 486 с лингвистическим уклоном. Колледж делового администрирования имени Уолтера Хеллера, это в Нью-Йорке. МГМУ Сеченова, медицинский факультет. Сборная солянка – но это я искал себя. Правда, пока не нашел. Я в поиске, вы улавливаете мою мысль? В Сеченке я тоже долго не протянул, как видите. С первого курса выперли.

– Что так? – Она поднимает бровь. Густую и хорошо покрашенную.

– Не переносу вида крови.

Я ухмыляюсь. Я всегда ухмыляюсь, когда чувствую подвох в голосе собеседника. У меня такая защитная реакция. А еще я всегда обращаю внимание на детали. Мелочи, типа этих беличьих бровей. Или цвет стен. Они тут у них депрессивно-зеленые. Видимо, добились приятного салатного оттенка, а добились обратного. Тоскливо-то ка-а-ак...

– Слушайте, у вас же мое резюме, да? На мониторе? Там все подробно написано – читайте!

Я откидываюсь в кресле и зеваю. Щелкаю челюстями. Она читает – я жду, плююсь в окно. Но там ничего интересного. Киоск «Роспечать», и всё. Он весь уделан тополиными почками, как подошвы моих новеньких «патрулей». Семь штук стоят, между прочим, – теперь хоть выбрасывай. Пустая трамвайная остановка. Старуха в толстом малиновом пальто прет прямо по рельсам. Сзади трезвонит трамвай. В смысле, он у старухи сзади. Интересно, задавит или нет? У них тут кислой капустой воняет – туши свет, такое ощущение, что она прямо в воздухе у них висит. Как белье на веревках – повесили, и оно колышется. Я отвожу в сторону локоть и демонстративно зажимаю нос – чтобы она увидела. Но она на меня не глядит, ишь ты. Чем она тут вообще дышит? Внизу, видимо, варят щи, кастрюлями гремят, а на улице апрель. Нет, май уже вторые сутки. В мае я ем крошку со свежими огурцами и редисом. Дороги давно сухие, а я только вчера резину поменял, последнее отдал за колеса. Янке клубешник обещал в субботу. Ладно, потерпит – в стране кризис. Или уже кончился? Не задавил, слава богу. В смысле, трамвай старуху. А лично мне противно, когда кто-то челюстями щелкает со спецом. Или еще бывает – прыщи при всех давит. У меня был одноклассник, некий Грибков – мы с ним мало общались, вернее, вообще не общались. Мы с ним существовали в параллельных мирах – он ходил в любимчиках, а я на камчатке всю жизнь сидел. Я не дебил ни в коем разе, просто там дышится легче. Так вот этот Грибков на уроках географии давил на носу прыщи. В зеркальце. Мне сзади все было видно. Достанет зеркальце из дипломата (он ходил с дипломатом) и давит. Главное, только на географии. Я уж потом понял почему. У нас географичка была старенькая, Мила Петровна. Нормальная старушенция, мы с ней ладили. Ну и вот, а по остальным предметам – молодые все. Короче, Грибок Милу Петровну вообще не стеснялся. Других стеснялся, а ее нет. Я когда это окончательно понял, нос ему чуть не разбил. Но потом не стал. Просто мы с Егором, другом моим, объяснили ему... Так... кое-что. Короче, он больше свой гнусный нос не трогал на ее уроках.

– Я внимательно ознакомилась с вашим резюме, – она улыбается.

Вежливая стала. Все-таки она ничегошная. Маникюр дорогой – я люблю ухоженных.

– Думаю, вы нам подходите. Осталось только...

– Еще бы я вам не подходил. – Оттолкнувшись от стола, я отъезжаю поближе к открытой форточке. – Мерчендайзер на собственном «Мини Купере», это за семьсот у. е. в месяц – вот вам счастье привалило!

– Кажется, вы именно тот, кого мы...

– ...так долго искали. Общительный, уверенный в себе, язык подвешен, не урод, да? Вы сегодня вечером что делаете?

Она отгоняет от лица невидимую муху. Даже слона, судя по жесту.

– Еще один вопрос, последний. Почему вы хотите у нас работать? Ваша мотивация?

– Честно?

– Ну да, желательно.

– Вот если совсем по чесноку, мне ваша контора – не комильфо. Быть лицом куриных кубиков и красиво расставлять по полкам банки с тушенкой – это правда не мое. Ни разу не мое. А мотивация у меня – предки. Лишили доступа к семейной казне до осени, пока не восстановлюсь в универе. А жить на что? Кафешки, клубы, я люблю вкусно пахнуть – ну, вы понимаете. В общем, прижало.

– Хорошо, заполните тогда, пожалуйста, анкету.

– То есть это что? Вы меня берете, что ли?

Я опешил.

Как так?

Кажется, я сделал все, я из кожи вон лез, чтобы только не угодить в эту крысиную дыру (которую, кстати, мне подыскала мамик – как всегда, из самых благих побуждений). Отец, в конце концов, не законченный изверг – пока не устроюсь на работу, поить-кормить, поди, будет...

Я скольжу глазами по строчкам. Что-то чересчур мелко и букв много. Много букв.

– А зачем писать про семью? Это типа вступительного сочинения?

– Еще осталось несколько формальностей, – она игнорирует мою иронию. – Беседа со штатным психологом и анализ крови.

– Ну вы даете, люди. Серьезно? Кроме шуток? Я же вам справку из психоневрологического диспансера принес, свежую. А вы точно не в космонавты волонтеров набираете? А то зашлете меня на Марс вместо «Ашана».

Она хмурится. Черт, симпатная все-таки. А может... Может, все-таки перекантоваться тут у них какое-то время?.. Все при деле буду, пока отец гнев на милость не сменит.

– Ладно, валяйте, – говорю, – вид собственной крови я уж как-нибудь перенесу.

– Очень хорошо, – она снимает трубку с доисторического телефона и набирает номер.

– Только учтите, я у вас навек не зависну. Так мы пересечемся вечером?

* * *

А хотите еще байку? Курьезный случай из моей насыщенной жизни. Я познакомился с девушкой по интернету. Не, обычно я на улице знакомлюсь или в клубе – с этим у меня проблем никаких. Я, сколько себя помню, от женского внимания не страдал. Вернее, от его отсутствия – женщины меня любят. Улыбка у меня широкая, как и плечи, в этом все дело. Но тут просто разобрало любопытство, и фотку она прислала эффектную. Думаю, все равно делать нечего – схожу посмотрю, чего там. Мы в метро договорились встретиться. Нарисовался я с опозданием – пунктуальность не самая сильная моя сторона. Минут на двадцать меня дела задержали, думал, она уже отчалила. Но нет, смотрю – стоит. И даже вполне себе ничего: стройная, блондинка, волосы ниже плеч – все, как я люблю. Только с макияжем явный перебор и вообще видно – со вкусом у человека проблемы. Ботфорты и джинсовые шорты, как кот в сапогах. Хипстер и кот в сапогах – я представил, как мы со стороны смотримся, и чуть не свалил. Но неудобно было. Ладно, шорты – дело поправимое, ведь главное, что у человека внутри. Короче, я повел ее в кофейню. Идем, она шагнет – споткнется, шагнет – споткнется. Меня чуть не уронила на асфальт. Думаю, нетрезвая, что ли? Утро же еще, двенадцать часов. Но оказалось, что ей обувь велика. Доковыляли мы с грехом пополам до «Шоколадницы» – я «Бразилию Декаф» заказал (кофеин я не употребляю), ей – мороженое и горячий шоколад. Вот на этом мороженом она и прокололась. Сидим, я ей что-то такое

увлеченно про последний фильм Балабанова втираю, про постапокалипсическую эстетику, она в окошко прохожих разглядывает. Чую, не клеится разговор. Внутри у нее тоже негусто. Дальше какао дело у нас точно не пойдет. Девушка какая-то не очень вменяемая, а что с ней не так, не могу понять. Думаю, сейчас она доест, и я по уважительной причине сруливаю. И тут вдруг она берет и достает изо рта зуб.

Жесть. Я был в шоке. Тут кровь у нее начинает капать на стол, сопلي-слезы, я ей гигиенические салфетки протягиваю, она отказывается, словом – молодежный триллер в самом разгаре. Народ на нас оглядывается. И знаете, что это такое было? У нее последний молочный зуб в тот день, оказывается, выпал. Да, такое тоже бывает. Мороженое с карамельными чипсами – ну и. Ей было двенадцать лет, как потом оказалось. После этого шокировавшего мою неокрепшую психику случая я к старому доброму пикапу вернулся. На улицы родного города.

Тот фильм, кстати, «Я тоже хочу» назывался. Дурацкое название, типа «Американского пирога» – но там совсем не про это. Там про одного мужика, про музыканта – он все счастье искал... Да чего я буду рассказывать – скачайте да посмотрите сами.

День первый Суббота, 4 мая

– Слушай, мамик, я же тебе не приходящая нянька. Вы не могли предупредить заранее?
– Значит, не могли. – Она с прищуром глядит в зеркало и сосредоточенно рисует себе глаз. Движения автоматические, это уже как дыхание у нее. – У нас с отцом важная встреча.

– А у меня не важная? Я Янку веду в клуб.

– Янку, да? В прошлый раз, помнится, была Анька. На какие это, интересно, шиши ты ее ведешь? Опять провалил собеседование. Тебе еще не надоело тунеядствовать?

– Мам, притормози на минуточку. Во-первых, ничего я не провалил – я отказался у них работать. Отказался сам. Передумал. Ты чувствуешь разницу? А во-вторых, если этот их психолог сам псих недолеченный, я причем? Он меня знаешь про что спрашивал?

– Про что?

– Есть ли у меня постоянный половой партнер. И если да, то какого он пола. Это, по-твоему, нормально при приеме на работу в ООО СР «Дистрибуция»? Я уже думал, что ошибся адресом.

Она отрывается от зеркала и откладывает в сторону карандаш. Смотрит на меня. У нее лицо обычно безо всякого выражения – никогда не угадаешь, о чем она думает.

– Слушай, ну и ответил бы ему, с юмором – как ты умеешь. Выкрутился бы как-нибудь! – говорит. – Что мы теперь скажем папе? Ты уже полгода слоняешься без дела, и потом...

– Ты опять? – Я врубаю на всю радио. Я ее нудятину уже просто слышать не могу. Мамик если заведется, ее советским танком не остановить.

– «...первый заметный метеоритный дождь прошел зимой благодаря потоку Квадрантиды. Пик падения пришелся на четвертое января...» – скрипит какой-то дед из динамика. Окей, окей, все что угодно, лишь бы не ее нотации.

– ...отец только и успевает оплачивать твои интернет-покупки. Зачем тебе столько одежды? Ты же не девушка.

– А что, только девушки должны классно выглядеть и приятно пахнуть? А я, раз родился мужиком, должен в трениках и стоптанных башмаках на троллейбусе ездить? Успо-

койся, найду я работу – я вон в интернете объявление уже разместил почти. Есть там одна тема – по бизнесу... Правда, нужен первоначальный капитал. Как думаешь, отец даст?

– Не знаю. Надо было тебе учиться, вот что, – мамик меняет тему и принимается за другой глаз. У нее на каждый уходит по пять минут, я засекал. – Мы еле-еле устроили тебя в медицинский. Надеялись, пойдешь по нашим стопам.

– Ну не мое это! Не могу я ковыряться в трупах – мне неприятно!

– А что тебе приятно-то? Медицина – не мое, фармацевтика – не мое, лингвистика – тоже, товароведом и то не взяли.

– Не «не взяли», а я отказался! Я хочу свой бизнес. В фэшн-индустрии. Мы с Егором уже перетерли: хотим открыть сеть бутиков, по франшизе. У нас и связи кое-какие есть.

– А в чем проблема? Открывайте.

Она еще и издевается.

– Мам, может, поговоришь с отцом насчет денег, а? Он тебя же слушает.

– Антон, очнись, пожалуйста. Спустишься на землю. Мне иногда кажется, что тебе не восемнадцать, а восемь. Я не знаю, почему ты у нас до сих пор такой инфантильный. Вроде бы два года в Америке жил один, повзрослеть вроде должен был. В колледже вас там чему учили?

– Как правильно заниматься любовью. И марихуану курить.

Она зыркает на меня. Как тигрица – сейчас зубами прихватит за шкуру и отшлепает.

– Шучу.

– Вот-вот. Все тебе шуточки. А мы, между прочим, с твоим папой после мединститута еще пять лет пахали на «скорой помощи», дежурили через одного в ночную смену. Еще ты был маленький с пороком сердца, авитаминозы вечные – ладошки до костей облезали. Мы, прежде чем открыть клинику, знаешь сколько всего хлебнули?

Ну все, завелась. Сейчас будет втирать про свое трудное детство и еще более трудную молодость. Мамик с отчимом жила, он ее ремнем порол за то, что она обкусывала ногти. Он порол, а она после этого еще дальше обкусывала, до мяса. Зато теперь ходит с акриловыми. Встретил бы – убил. Но он помер уже, отчим. Мамик за отца рано вышла замуж, ей было восемнадцать, когда она вышла – как мне. А я так думаю: ну их на фиг, эти ранние браки. Сначала созреть, потом жениться. Вот я не созрел для хомяка даже или там котенка, не то, что для жены.

– Извини, что мне не пришлось хлебнуть, – говорю.

– Ничего, у тебя еще все впереди. Отец в этот раз настроен решительно. Пока не восстановишься в университете – никаких клубов, никаких Ань. И да, кстати, ключи от машины положи сегодня ему на стол.

Что? Я не верю своим ушам. Отдать от тачки ключи?

– Э, родители, вы чего?

– Ничего, поездишь на метро, как все. Ты на бензин и на мойки больше тратишь, чем мы с отцом вместе взятые.

Ах, вот так, да? То есть вот так... Если я, в отличие от отца, на грязной тачке ездить брезгую, со мной вот так можно... Пожалуй, пора пускать в ход тяжелую артиллерию. На метро я больше точно не сяду – меня однажды там чуть не убили. Кулаком по голове – им мой галстук-бабочка не понравился.

– Зачем вы так со мной, мамик?

Неожиданно я сползаю вниз по стенке и роняю голову – на колени падают мои тяжелые кудри. Клево со стороны выглядит, наверное.

– Перестань паясничать.

Лицо у нее становится непроницаемым – я подглядываю. Идеальное накрашенное лицо, как у куклы. Хорошо, что я пошел в нее, отец у нас чуть красивей летучей мыши. Серьезно, они вблизи реально страшные – курносые и ушастые, прям как он.

– Лучше займись братом, я уже иду. – Мамик достает из сумки кошелек. Леопардовый в розочку – «Роберто Кавалли», сумка такая же. Дает мне деньги. – Сводишь его на площадку, потом покормишь, не забудь витамины. В ванну и спать. В холодильнике курица с пюре.

– Иной раз мне кажется, что вы меня не любите. Что я чужой вам, – для пущего эффекта я трясу башкой.

– Не говори глупостей. Мы все делаем ради твоего же блага. Закроешь за мной?

– Игорька вы любите гораздо больше!

Мамик вздрагивает. Проняло наконец-то. Ура.

– Антош, ну что ты такое говоришь?

Она вздыхает. Подходит ко мне и проводит рукой по волосам. Опускается на корточки и обнимает. У нее новые духи. Надо потом глянуть, что за запах – Аньке понравится. Может, уже растает.

– Мы тебя очень любим. Тебя и Игорька. Просто...

– Что? Просто что? – голос у меня дрожит.

Я поднимаю наконец голову. Я смотрю ей в глаза. Долго. Главное, сейчас не сорваться и не заржать. Она почти готова. Осталось каплю дожать – и все, она готова.

– Просто мы хотим, чтобы ты стал более... ответственным, что ли... Взрослым. Чтобы ты повзрослел, наконец. Сам отвечал за себя и свои поступки. За свою жизнь, понимаешь? Папа ведь не вечный.

– Я понимаю, мам. И я стараюсь. Правда. Мы с Егором уже все обмозговали, это реально крутой проект. Прости, я опять говорю ерунду... Я тебя люблю, мамик.

Я редко ей это говорю – мол, люблю и все такое – ну так, по мере надобности. Знаю, что они важные, эти слова, только они все равно особо для меня ничего не значат. Я ни фига не чувствую при этом – ни смущения, ни порыва какого-то... Что обычно испытывают в таких ситуациях? Когда говорят «я тебя люблю»?

– И я тебя, сыночек, – она порывисто прижимает меня к груди. Внутри у меня все просто клокочет от смеха.

– Мам, ты самая родная, – я тихо всхлипываю (тут главное – не переборщить) и утыкаюсь мокрой щекой ей в шею. Пускай прочувствует. – Может, ты все-таки поговоришь с отцом насчет денег?

– Поговорю, сынок. Я поговорю.

– Спасибо, мам. Ладно, иди, я побуду с Игорьком. Мы в парк ходим.

Я подонок, да? Думаете, подонок. Эгоистичный, самовлюбленный, наглый и все такое прочее.

Вот что я вам на это скажу: так оно и есть. Сейчас таких, как я, как собак нерезанных развелось. Это прадед так говорит. Он танк тяжелый, хоть и старый. У него два осколка в груди, поэтому ему цинизм в мой адрес простителен. И знаете еще что хочу добавить, ну типа, в свою защиту? Быть подонком и признавать это – не каждому дано. Далеко не каждому. Это привилегия избранных, если хотите.

* * *

– Ну что, брателла, пойдем в парк?

– Ура! В парк! В парк! – Игорек прыгает до потолка, сейчас рейтузы потеряет. Он по дому вечно в них гоняет, уже протер до дыр. – Мы на тарзанку?

– А ты был хорошим мальчиком?

– Хорошим! Я всю неделю им был! И еще мама сказала, что если я буду сегодня особенно хорошим, то получу сахарную вату!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.